

Часть первая

Моя мать говаривала: “У всех есть секреты. Вот почему невозможно узнать другого по-настоящему. Или по-настоящему доверять другому. Вот почему невозможно узнать самого себя. Иногда мы храним секреты даже от себя самих”.

Взрослея, я думала, что это верное наблюдение, хотя и не понимала его до конца. А может быть, понимала — немного. У детей есть тайны. У них вообразимые друзья, и узнай о них взрослый — неприятностей не миновать.

Позже я поняла: мама говорила, исходя из своего опыта. А что, если она не столько готовила меня к жизни, сколько программировала на хранение тайн и недоверие? Было ли у нее ощущение, что, когда я вырасту, у меня будут тайны темнее и постыднее, чем у других? Тайны, которые мне по большей части удалось сохранить — даже от себя самой?

Мамы, привет!

Этот пост будет отличаться от тех, что были в моем блоге до сих пор. Он не самый важный, потому что самое важное на свете — это то, что происходит с нашими детьми: их нахмуренные бровки, их улыбки, их первые шаги, их первые слова.

Давайте просто скажем, что этот пост... СРОЧНЫЙ. *Крайне срочный.*

Пропала моя лучшая подруга. Она ушла из дома два дня назад. Ее зовут Эмили Нельсон. Вам известно, что я не упоминаю в блоге *имена* друзей. Но сейчас по причинам, которые вы вскоре поймете, я (временно) отменяю политику строгой анонимности.

Мой сын Майлз и сын Эмили Ники — лучшие друзья. Им по пять лет. Оба родились в апреле и поэтому пошли в подготовительный класс на несколько месяцев позже,

так что они немного старше своих одноклассников. Я бы сказала, взрослее. Майлз и Ники — мечта, а не дети. Скромные, честные, добрые маленькие люди, а такие качества — простите, парни, если это читает кто-нибудь из парней — нечасто встретишь у мальчиков.

Мальчики познакомились друг с другом в школе. А мы с Эмили познакомились, забирая их из школы. Редко бывает, чтобы ребята дружили с детьми маминой подруги или чтобы какая-нибудь мама сдружилась с мамой друга ее ребенка. Но у нас все сошлось. Мы с Эмили счастливые. Причина одна: мы не юные мамы. Наши дети появились, когда нам было уже хорошо за тридцать и биологические часики тикали!

Иногда Майлз и Ники сочиняют пьесы и разыгрывают спектакли. Я разрешаю мальчишкам снимать их на мой телефон, хотя обычно строго ограничиваю время, когда ребятам можно играть с электронными девайсами, от которых современным родителям столько хлопот. Одна восхитительная сценка оказалась детективной историей — “Приключения Дика Уника”. Ники был детективом, Майлз — преступником.

— Я Дик Уник, самый умный детектив в мире! — провозглашал Ники.

— Я Майлз Челюсть, самый страшный бандит в мире! — отвечал Майлз.

Майлз играл, как злодей из викторианской мелодрамы, с множеством басовитых “хо-хо-хо!”. Они гонялись друг

за другом по нашему двору, “стреляя” друг в друга (никакого оружия!) из пальца. Это было что-то!

Если бы только папа Майлза — мой покойный муж Дэвис — мог видеть их!

Иногда я поражаюсь, откуда у Майлза эта актерская жилка. Полагаю, от отца. Однажды я видела, как Дэвис проводит презентацию перед потенциальными клиентами, и меня поразило, каким живым и артистичным он был. Он мог бы стать таким симпатичным, глуповато-обаятельным молодым актером, лохматым, с блестящими волосами. Со мной Дэвис был другим. Как будто больше в себе. Спокойный, добрый, с хорошим чувством юмора, задумчивый, хотя у него определенно были весьма стойкие убеждения, особенно насчет мебели. Но это естественно — в конце концов, мой муж был успешным дизайнером-архитектором.

Дэвид был сущим ангелом. За исключением одного момента. Или двух.

Ники сказал, что придумать Дика Уника помогла им его мама. Эмили обожает детективы и триллеры. Она читает их в электричке, когда едет на Манхэттен и ей не нужно готовиться к встрече или презентации.

До рождения Майлза я много читала. Время от времени мне случается подхватить какую-нибудь Вирджинию Вульф и прочитать несколько страниц, чтобы напомнить себе, кем я когда-то была — и кем, надеюсь, осталась. Где-то среди детских игр, школьных обедов и уклады-

вания в постель затерялась молодая женщина, которая жила в Нью-Йорке и работала в журнале. Личность, у которой были друзья, которая по выходным ходила на бранчи в ресторан. Но ее друзья остались бездетными, никто не переехал в пригород. Мы потеряли друг друга из виду.

Любимый писатель Эмили — Патриция Хайсмит. Я понимаю, почему моей подруге так нравятся книги Хайсмит — они читаются на одном дыхании. Но от них так расстраиваешься! Главный герой обычно или убийца, или соглядатай, или какой-нибудь безвинный человек, который старается, чтобы его не убили. Я читала роман про двух парней, которые познакомились в поезде и договорились, что каждый из них совершит убийство, чтобы оказать приятелю услугу.

Я хотела, чтобы книга мне понравилась, но я ее не дочитала. Хотя, когда Эмили спросила про роман, я сказала, что просто в восторге.

Когда я в следующий раз пришла к ней в гости, мы смотрели на DVD фильм Хичкока по этому роману. Сначала я беспокоилась: вдруг Эмили захочет обсудить отличия книги от фильма? Но кино меня захватило. Одна сцена, со взбесившейся каруселью, оказалась настолько жуткой, что смотреть было почти невозможно.

Мы с Эмили сидели у нее в гостиной, каждая, вытянув ноги, в своем уголке массивного дивана, на журнальном столике — бутылка хорошего белого вина. Увидев, что я смотрю сцену с каруселью сквозь пальцы, Эмили улыбнулась и показала мне оттопыренный большой палец. Ей понравилось, что я так испугалась.

А я невольно думала: что, если бы Майлз был на той карусели?

Когда фильм закончился, я спросила Эмили: “Как по-твоему, реальные люди способны на такое?”

Эмили рассмеялась. “Милая Стефани! Ты удивишься, когда узнаешь, чего хотят люди. В своих желаниях никто никогда никому не признается — даже себе”.

Мне захотелось сказать, что я не так мила, как она думает. Я тоже делала кое-что плохое. Но я слишком удивилась и испугалась, чтобы рассказывать об этом. Эмили говорила, как моя мать.

Мамы знают, как трудно бывает уснуть, вечно в голове крутится какая-нибудь жуткая история. Я всегда обещала Эмили почитать еще какую-нибудь книгу Хайсмита. Но теперь жалею, что прочитала и ту, единственную. Жертвой убийцы была невеста другого парня.

А когда бесследно исчезает твоя лучшая подруга, о таких вещах и думать не хочется. Не то чтобы я считала, будто муж Эмили Шон мог причинить ей вред. Разумеется, у них были проблемы. В каком браке их нет? И Шон — не самый мой любимый персонаж. Но (я думаю) в общем и целом он порядочный парень.

Майлз и Ники ходят в один и тот же приготовительный класс чудесной школы, о которой я много раз писала в своем блоге. Это не наша городская школа, у которой, после того как (старееющее) местное население проголо-

совало за сокращение ее бюджета, возникли проблемы с финансированием, а школа получше, в соседнем городке, почти на границе Нью-Йорка и Коннектикута.

Из-за правил зонирования наши мальчишки не попадают на школьный автобус. Мы с Эмили отвозим их по утрам в школу сами. Я забираю Майлза каждый день. Эмили по пятницам работает полдня, так что может забрать Ники из школы, и часто по пятницам мы с ней и мальчишками развлекаемся — едим бургеры или играем в мини-гольф. От моего дома до ее всего десять минут езды. Мы практически соседи.

Я люблю бывать дома у Эмили — растянуться на ее диване, болтать и пить вино, одна из нас время от времени сдается и отправляется проверить, как там мальчишки. Мне нравится, как Эмили жестикулирует, когда что-нибудь говорит, нравится, как искрится ее кольцо с бриллиантами и сапфиром. Мы много говорим о материнстве. Темы для бесед у нас никогда не иссякают. До чего же здорово иметь настоящего друга! Иногда я даже забываю, как одинока была до встречи с Эмили.

В остальные дни недели Ники забирает из школы Элисон — приходящая няня. Муж Эмили Шон допоздна работает на Уолл-стрит. Эмили и Ники бывают рады, если Шон вообще приезжает домой к ужину. В те редкие дни, когда Элисон звонит, что заболела, Эмили посылает мне смс, и я подключаюсь: забираю мальчиков из школы, везу домой, и они остаются у меня до возвращения Эмили.

Где-то раз в месяц Эмили задерживается на работе допоздна. А раза два-три она и вовсе не возвращалась домой на ночь.

Как было и в этот раз. Перед ее исчезновением.

Эмили работает на Манхэттене, в отделе по связям с общественностью у известного модного дизайнера, чье имя я стараюсь не упоминать. Нет, на самом деле Эмили *директор* отдела по связям с общественностью у *очень* известного дизайнера. Я в своем блоге говорю о брендах очень осторожно, поскольку это вопрос доверия, ну и потому, что хвастать знакомством с известными людьми — дурной тон.

Даже опаздывая или сидя на встрече, Эмили каждые пару часов отправляет мне сообщения. Она звонит, как только у нее выдана свободная минута. Она — мать. Не безумная мамаша, не наследка — ни одно из тех отвратительных прозвищ, которыми общество клеймит нас за то, что мы любим наших детей.

Возвращаясь из города, Эмили всегда едет со станции кратчайшим путем, чтобы поскорее забрать Ники. Мне приходится напоминать ей, чтобы она не превышала скорость. Если поезд опаздывает, она отправляет мне сообщения. Постоянно! На какой она сейчас станции, когда примерно рассчитывает прибыть — пока я не напишу ей: *“Не волнуйся! Мальчики отлично. Когда приедешь, тогда и приедешь. Безопасной тебе поездки”*.

И вот уже два дня Эмили не дает о себе знать, не выходит на связь, не отвечает на мои смс и звонки. Случи-

ДАРСИ БЕЛЛ ПРОСТАЯ ПРОСЬБА

лось что-то ужасное. Она исчезла бесследно. Я понятия не имею, где она.

Друзья! Неужели Эмили производит впечатление матери, которая бросает своего ребенка и исчезает на два дня — без сообщений, без звонков, без ответов на мои сообщения и звонки? Если все в порядке? *Серьезно?*

Ладно, мне пора бежать. Чую, шоколадное печенье горит в духовке. Позже напишу еще.

С любовью, Стефани